

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В БССР

Ярмусик Э.С.

Гродненский госуниверситет им. Янки Купалы, г. Гродно

Отношения советского государства и католической церкви в Белоруссии — одна из наиболее драматических страниц истории XX века. Начавшаяся после Октябрьской революции борьба советской власти с религией, была направлена на полное уничтожение этого «опиума для народа» из духовной жизни общества. Особенно острый характер приняла эта борьба в 20-30-е годы. Поправление религиозных прав и свобод верующих оправдывалась не только идеологическими установками о ликвидации пережитков прошлого в сознании масс, мешавших строить светлое будущее. Под это была подведена основательная правовая база, начало которой положил Декрет СНК СССР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», подтвержденный 11 января 1922 года СНК БССР. В результате политических, идеологических, репрессивных и иных мер в Восточной Белоруссии с религией, в том числе и католической, практически было покончено. Довершили ее разгром политические процессы 1937-1938 годов над духовенством и верующими всех конфессий, обвиненных в «антисоветской контрреволюционной деятельности», «связях с польской, японской и другими иностранными разведками с целью свержения советского строя» и т.п.

Вторая мировая война на время отодвинула «выяснение позиций» государства и церкви. Тем не менее события военных лет в значительной мере поляризовали отношения этих двух институтов общества. Важным козырем в руках советского государства, дающим ему основание начать политические репрессии против ксендзов стало, его участие в польской Армии Крайовой и постаковском подполье. К католическому духовенству применялись статьи 63-1, 72 «а», 72 «б», 76 УК БССР, квалифицирующие им «антисоветскую деятельность», «участие в антисоветских повстанческих организациях». Приговоры предусматривали от 10 до 25 лет исправительно-трудовых лагерей, с поражением в последующем в гражданских правах до 5 лет и конфискацией имущества. В БССР из 225 ксендзов, находящихся в республике на 1 января 1946 года, были арестованы и приговорены к различным срокам заключения в 1944-1952 годах, по неполным данным, около 100. Из них 38 получили 25 лет лагерей, 5 лет лишения гражданских прав и конфискацию имущества. 21 приговорили к 10 годам лагерей. Оставшиеся получили 3, 4 или 5 лет, 8 лет (3 человека). В результате на Белоруссии осталось несколько десятков ксендзов.

Репрессивная политика в отношении духовенства являлась лишь частью борьбы с церковью. Более длительное время должна была занять работа по искоренению корней религии в сознании верующих, и особенно молодого поколения. Опыт предыдущих десятилетий подсказывал, что нужно предпринимать более продуманные и твердые шаги, иногда делая некоторые отступления.

После Второй мировой войны вопросами, связанными с религиозными культурами, требующими разрешения Правительства Союза ССР и правительства союзных и автономных республик, стал заниматься Совет по делам религиозных культов при СНК СССР и его Уполномоченные при СНК союзных и автономных республик и областных (краевых) исполкомах. Постановлением СНК СССР № 628 от 29 мая 1944 года утверждалось «Положение о Совете по делам религиозных культов при СНК СССР».

Уполномоченные Совета по делам религиозных культов являлись не только представителями государства на местах, призванными в первую очередь обеспечивать контроль за соблюдением законодательства о культах как исполнительными органами власти, так и религиозными общинами. По сути, эта должность требовала от них следовать букве и духу закона. Однако в практической деятельности они руководствовались в первую очередь партийными, идеологическими установками на ограничение и вытеснение религии из советского общества. Это порождало двусмысленное толкование законов и вводило в заблуждение широкие массы верующих, буквально понимающих предоставляемых им Конституцией СССР права свободного отправления религиозных культов.

Во второй половине 40-х - первой половине 50-х годов повсеместно проводился учет и регистрация костелов, религиозных обществ. Так называемые костельные «двадцатки» (костельный комитет из 20 человек) обязаны были заключать договор с местными органами власти о передаче в бессрочное и бесплатное пользование молитвенного здания и находящегося в нем имущества. Мощным ударом по церкви было запрещение в 1948 году духовенству обучать детей катехизису. Так начиналось отлучение детей от религии.

Одновременно с учетом шло снятие с регистрации религиозных ввиду их «малочисленности», «распада», либо под другими предлогами. Снимаемые с регистрации религиозные объединения лишались молитвенных зданий, передавались в ведение местных органов власти. Часть из них использовалась на расширение школ, больниц, под музеи, клубы, спортзалы, архивы и прочие. Наиболее варварским было использование культовых учреждений под различного рода складские помещения, в большинстве для ссылки зерна.

Закрытие культовых зданий носило планомерный целенаправленный, регулируемый характер. «Законность» изъятия у религиозных обществ молитвенных зданий контролировалась Уполномоченным Советом по делам религиозных культов при Совете Министров БССР. Так, в секретной записке от 16 мая 1952 года, направленной в Гродненскую область, отмечалось, что «некоторые Советы депутатов трудящихся Гродненской области вместо создания условий по обеспечению ст. 124 Конституции СССР в части отправления религиозных культов верующими, практикуют самовольное закрытие молитвенных домов религиозных обществ, что является нарушением Постановления СНК СССР от 28 января 1946 года № 232 - 101 с. Помимо того, что всякое администрирование в вопросах религии не соответствует духу Сталинской Конституции, подрывает морально-политическое единство советского общества, оно наносит лишь вред делу преодоления религии». Далее предлагалось «в ближайшее время рассмотреть и решить вопрос по освобождению и привлечению в надлежащий вид тех костелов, которые были изъяты у религиозных обществ без соответствующего на то решения», а также «в дальнейшем изъятие у религиозных обществ молитвенных зданий, закрытие и приспособление их для любых нужд производить только в строгом соответствии с Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 года № 232 - 101 с.»²

Культовое имущество передавалось либо в распоряжение местных органов власти с последующей реализацией, либо в соседние костелы, а в редких случаях попадало в Государственный музей БССР или местные музеи. Зачастую же костельные реликвии, представляющие собой нередко ценные произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства, из-за попустительства органов власти попросту расхищались. К примеру, в феврале 1945 года в ведение Центрального государственного исторического архива был предан костел в городе Могилеве. Все культовое имущество - иконы, подсвечники, хоругвы и прочее было роздано, как свидетельствует акт, верующим. В том числе - 60 металлических подсвечников, 2 иконы

святого Антония, 1 Святой Терезы, 1 Бельнической Божьей Матери, 1 Остробрамской Божьей Матери, 1 Сердца Иисуса и многое другое.³ В акте не указывалось, кто стал пользователем этого имущества, что дает основание полагать, что оно было кем-то присвоено.

С началом т.н. «хрущевской оттепели» наметилась определенная либерализация отношений государства и церкви. Прежде всего это проявилось в освобождении из мест заключения ксендзов, судимых за т.н. «антисоветскую деятельность». По состоянию на 27 марта 1958 года по Белоруссии их возвратилось до 70 человек.⁴

Предпринимаемые Первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым попытки демократизации общественной жизни в стране были восприняты верующими с надеждой на изменение отношений государства и церкви в позитивную сторону. Заметно возросла активность католиков, добивающихся возвращения отнятых у них костелов, регистрации общин и ксендзов. Значительно активизировали свою деятельность ксендзы. Многие, даже будучи официально не зарегистрированными, совершали среди верующих католические религиозные обряды (исповедь, венчание, крещение). Наблюдалось значительное увеличение количества верующих на богослужениях в костелах.⁵

Однако религиозная жизнь католических общин и духовенства по-прежнему находилась под пристальным вниманием государственных органов. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР требовал от своих уполномоченных «строго наблюдать за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений Правительства о культах, своевременно информировать Совет и руководящие партийные и советские органы о состоянии и деятельности культов на местах и о всех случаях нарушения законодательства о культах, вмешательства во внутрицерковную жизнь и оскорбления религиозных чувств верующих. Одновременно с этим необходимо строго соблюдать и не допускать нарушения советского законодательства о культах со стороны духовенства и верующих, глубоко изучать формы и методы деятельности служителя культов и религиозного актива, имея в виду их постоянное стремление повышать религиозную активность верующих».

Предлагалось регистрировать служителей культа в зарегистрированных религиозных обществах, возвратившихся в БССР на постоянное жительство (из заключения - Э.Я.), при наличии у них паспорта и прописки, разрешать обслуживание нескольких костелов, где не было ксендзов, отправлять без предварительного разрешения Уполномоченного разовые богослужения в пределах области. Однако в отношении возвращения верующим занятых костелов либо передачи их под другие цели предлагалось не проявлять инициативы, ибо «преждевременная передача молитвенного здания под другие цели может вызвать религиозную активность верующих».⁶

Массовый характер носило закрытие костелов. Советские органы власти использовали для этого формальные, зачастую надуманные причины, игнорируя наличие верующих и их законные права. Процедура закрытия начиналась с местных органов власти - исполкомов гор (рай) советов, затем это решение утверждалось облсоветом на основании «заключения о непригодности культового здания», выданного Уполномоченным Совета по делам религиозных культов по области, проходило аналогичное утверждение Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров БССР. Юридическую силу решение о закрытии и преобразовании храма приобретало лишь после принятия решения Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Вся процедура занимала 3-4 месяца.

Таким образом, только в Гродненской области с 1939 по 1967 годы прекратило действовать и закрыто 228 молитвенных зданий, из них снесенных, ветхих и находящихся на

кладбищах - 107, переоборудованных со снятием крестов и куполов - 62, без нарушения внешнего вида и снятия крестов - 59. Из оставшихся зданий 34 использовались колхозами и совхозами под складские помещения, 9 находились в бесхозном, бросовом состоянии и в 16 продолжало оставаться культовым имуществом.

Эти факты свидетельствовали, что беззаконие в отношении религии и верующих было вызвано в ранг закона и преследовало чисто идеологические цели. Вышестоящие органы требовали от низовых «активного переоборудования и правильного использования снятых с регистрации молитвенных зданий», вывоза имущества, чтобы ничего не напоминало о костеле или церкви.

Незаконные действия советских органов власти в отношении прав ведущих порождали многочисленные их жалобы в адрес партийного и государственного руководства, прокураторы СССР и БССР, местные органы власти, хождения наиболее активных католиков по инстанциям. В своих жалобах и заявлениях верующие добивались от органов власти обеспечения своих конституционных прав: свободного отправления религиозных культов, возвращения отнятых костелов, регистрация ксендзов в парафии, разрешения на их приезд для разовых богослужений.

«Мы знаем, что молодежь наши дети и внуки не веруют в Бога, это их дело, дело молодых и науки, мы не против того чтобы наши дети шли по другому пути и к науке, мы не заставляем наших детей идти в костел или молиться, но мы до 1939 года жили при панской Польше и с детства были воспитаны в вере в Бога, - писали в Верховный Совет СССР члены костельного комитета Жупранской парафии Опшмянского района (ноябрь 1970 года). - Трудно изменить в зрелых годах к чему человек привык с детства. Нами парафиянами всегда вовремя оплачивались налоги по костелу, оплачен фонд мира. Текущий ремонт костела мы производим своими руками за счет своих денег».

Создавалась парадоксальная ситуация: представители органов власти, которые обязаны были обеспечить выполнение конституционных прав граждан о свободе религиозных убеждений, грубо нарушали то же советские законодательство, оставаясь при этом безнаказанными. В отношении же справедливых требований верующих зачастую выдвигались необоснованные обвинения о нарушении ими каких-то предписаний либо использовалась политическая мотивировка. Практически все, что составляло содержание религиозной жизни, могло расцениваться властными структурами как «грубое нарушение советского законодательства о культах». Противозаконными считались процессии вокруг костелов с участием детей, спевки костельного хора, майские моления у крестов, обучение детей катехизису, ремонт костелов и благоустройство территорий без уведомления властей и многое другое.

Ксендзам запрещалось беседовать с католиками, исполняющими религиозные обряды, на предмет посещения костелов, соблюдения религиозных треб, ибо «своими действиями они нарушали положения Советской Конституции «О свободе совести», так как уговаривать и тянуть людей в костел никто не имеет права и это является противозаконной мерой».

И в то же время все, что предпринималось по ограничению деятельности духовенства и религиозных обществ, незаконным не только не являлось, но и представлялось как «соблюдение советского законодательства о культах». «Наоборот, наша задача состоит в том, чтобы путем своевременной информации руководящих инстанций республики добиться расширения постановки научно-атеистической пропаганды среди верующих, отрывать их от церкви и сокращать количество действующих костелов», - указывалось неоднократно в докладах Уполномоченных по делам религиозных культов.

Нарушения религиозных прав и свобод в республике со стороны государства либо не осознавалось должностными лицами, либо сознательно укрывалось и маскировалось пропагандой. В этом отношении примечательна записка от 15 августа 1960 года Уполномоченного по БССР Петра Лабуса по поводу ноты Генерального Секретаря ООН. В ноте содержалась просьба предоставить замечания «по проекту принципов относительно свободы и отсутствия дискриминации в области религиозных прав и обычаев». По утверждению П. Лабуса, в БССР «отсутствует такая бы то ни была дискриминация в области религиозных прав и обычаев». Весьма резкие высказывания содержались относительно предоставления советским гражданам возможности свободного совершения паломничества к святым местам как внутри страны, так и за ее пределами, «Нам известно указание ЦК КПСС, касающееся паломничества к так называемым «святым местам», которое состоит в том, чтобы на основе проведения широкой массово-политической работы и научно-атеистической пропаганды среди трудящихся добиться прекращения паломничества и закрытия так называемых «святых мест», вокруг которых подвизались разные проходимцы и шарлатаны. «Святые места» являются рассадником мракобесия».

Вывод, сделанный П. Лабусом, свидетельствовало, что в республике не желали считаться даже с мнением ООН, членом которой была и БССР: «Полагаю, что этот документ не представляет собой определенной важности, - заключил он. - ООН надо было бы заниматься более важными вопросами. Этот документ необходим для тех, кто заинтересован в том, чтобы держать народы в темноте и невежестве, что противоречит всей нашей политике, нашему марксистско-ленинскому материалистическому мировоззрению».¹⁰

В 60-80-е годы к «нарушителям» законодательства о культах стали применять ст. 71 и ст. 139 Уголовного Кодекса БССР, принятого Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 года. Эти статьи относились к разряду «Иные государственные преступления». Ст. 71 «Нарушение национального и расового равноправия, а также равноправия граждан в зависимости от их отношения к религии» предусматривая наказание лишением свободы на сроки до трех, до пяти и даже десяти лет либо штрафом. Ст. 139 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» предусматривала наказание исправительно-трудовыми работами на срок до одного года или штрафом. В более «тяжелых» случаях могло быть применено лишение свободы до трех лет.

Обе статьи расплывчаты и неконкретны, что давало судебным органам возможности их применения даже в случаях, где состава «преступления» не было и в помине. А вот ст. 140 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов» предусматривала наказание исправительными работами на срок до 6 месяцев или общественными порицанием.¹¹

Красноречивым подтверждением могут служить два почти одновременно происшедших в городе Гродно судебных процесса – 2 октября и 2 ноября 1970 года. По первому народный суд рассматривал в открытом судебном заседании дело по обвинению 52-летней гардеробщицы Гродненского мединститута Лойко Я.Н., обвиняемой в совершении «преступления», предусмотренного частью 1 ст. 139 УК БССР. Вся вина ее заключалась в том, что по просьбе родителей она провела несколько занятий с несовершеннолетними детьми по обучению их религии – молитвам. «Принимая во внимание степень общественной опасности совершенного преступления, личности подсудимой, суд приговорил Лойко Я.Н. подвергнуть исправительным работам по месту работы с удержанием в доход государства 20 процентов заработка».

Второе дело касалось злостного хулиганского поступка, совершенного пьяными гражданами К. и Л., ворвавшимися на богослужение в Бернардинский костел. Однако, «учитывая характер и степень содеянного, первую судимость К., а также исключительно положи-

тельную характеристику с места работы», суд применил к нему ст. 201 ч.1 УК БССР в виде наказания штрафом в размере 50 рублей в доход государства.¹²

Конец преследованиям церкви и верующих положили процессы демократизации, начавшиеся в стране с середины 80-х годов. Хотя и с большим опозданием, но государство вынуждено было все же признать незаконный характер репрессий против духовенства всех конфессий. В конце 80-х годов Политбюро, Секретариат ЦК КПСС приняли ряд постановлений, касающихся дополнительного изучения материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начале 50-х годов, реабилитации незаконно репрессированных. Реабилитация служителей культа всех конфессий начались только в 1989 году на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х начала 50-х годов». В Указе Председателя Президиума ВС СССР Михаила Горбачева от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов», в частности, указывалось, «признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20-50-х годах, и полностью восстановить права этих граждан».¹³

На 1 января 1999 года религиозные организации республики имели 1664 культовые здания (церкви, костелы, молитвенные дома, синагоги и мечети). Государство передало религиозным организациям в пользование или собственность 1115 культовых и других зданий под богослужебные цели, в том числе: православным – 790, старообрядцам – 18, католикам – 291, греко-католикам – 1, протестантам – 7, иудеям – 5, мусульманам – 3.

Опыт прошлого как нельзя лучше учит, что цивилизованные отношения государства и церкви, основанные на соответствующей законодательной базе, являются одним из важных условий построения правового государства.

Литература.

1. Roman Dzwonkowski SAC. Represje władz Sowieckich wobec duchowienstwa katolickego obrzadku lacinskiego w latach 1939-1987 // Przegląd Wschodni. Kwartalnik. Lublin. Tom VII. Zeszyt 1 (25). - S. 293.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 19, Лл. 1-2.
3. там же. Ф. 952. Оп. 1. Д. 13. Лл. 73-75.
4. там же. Ф. 4. Оп. 62. Д. 482. Лл. 168.
5. там же. Ф. 4. Оп. 62. Д. 447. Лл. 317-318, 500-501.
6. там же. Ф. 952. Оп. 2. Д. 49. Лл. 3-5.
7. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). Ф. 1385. Оп. 1. Д. 81. Лл. 42-44.
8. там же. Д. 137. Лл. 5.
9. НА РБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 508. Лл. 40, 271.
10. там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 21. Лл. 73-74.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь. Принят Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 года. - Мн., 1994. - С. 64-65, 102.
12. ГАГО. Ф. 1385, Оп. 1^а. Д. 135. Лл. 178-183.
13. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. - М.: Политиздат, 1991. - С. 15-19, 328-334; Протыко Т. Репрессированная вера // Советская Белоруссия. - 1992. - 14 августа.